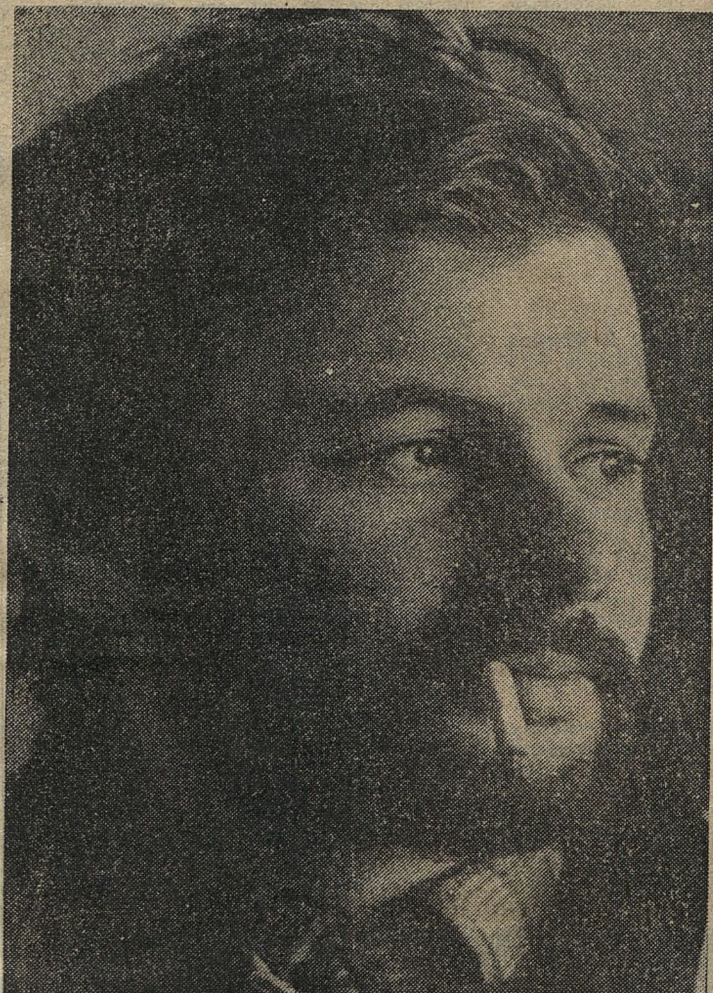

« ПО РОССИИ, ПО СНЕЖНЫМ СТЕПЯМ,

Смеца. — С.Петербург. — 1992. — 249 стр. 60

КАРАВАНЫ ИДУТ НА ВОСТОК ... »

— Если бы я был русским человеком, живущим в культурной, а не колбасной эмиграции, я бы вернулся в Россию. Место русского человека сегодня здесь, но я еврей, — говорит израильский писатель Давид МАРКИШ.

Девятнадцать лет назад он покинул Союз. Перец Маркиш — отец Давида, известный поэт, чью лирику любила и переводила с древнееврейского Анна Ахматова, был расстрелян в 1952 году по сфабрикованному «процессу» Еврейского антифашистского комитета.

Литературная карьера Давида началась, когда ему было около 19 лет. Он учился в московском Литературном институте, закончил высшие курсы режиссуры. В 1958 году выпустил две его первые книги — литературные переводы грузинских поэтов. Кстати, тогда в Грузии Давид познакомился с юным филологом Звиадом Гамсахурдиа. Спустя 10 лет Давид уже не может устроиться на литературную работу — начались годы отказа — и работает грузчиком.

Сегодня в Израиле Давид Маркиш — известный прозаик, публицист, сценарист. Он пишет только по-русски. Среди его переводчиков долгое время был Яков Шарет — сын премьер-министра Шарета. В 1991 году журнал «Дружба народов» напечатал роман Маркиша «Полюшко-поле».

— Давид, вы и ваша семья уехали из СССР в 1972 году, когда все дороги эмиграции вели в Америку. Почему вы выбрали Израиль, когда эта

страна, кстати, стояла на пороге войны?

— Я могу сказать лишь одно: мы уезжали не потому, что мы хотели покинуть эту страну. Мы хотели приехать туда. Когда в иллюминатор самолета я увидел берег Израиля, мне впервые в жизни пришлось принимать успокоительные таблетки. Я совершенно осознанно хотел жить в Израиле, и только там.

— Когда вы приехали в Израиль, у вашей семьи уже была известность — жена и сын Перца Маркиша?

— У нас было имя, как это ни парадоксально, не только потому, что мы семья Перца Маркиша, но и потому, что в течение двух лет мы голодали, бастовали. Было известно, что семья Перца Маркиша хочет выехать в Израиль, а их не пускают и обещают никогда не выпустить.

— А как власти мотивировали ваш отказ?

— Однажды я спросил об этом одного высокопоставленного чиновника из органов на встрече с отказниками. Сказал ему: «Я не знаю государственных секретов, в армии я не служил, учился в гуманитарном вузе, никаких допусков у меня никогда не было». А он мне ответил: «Вы не понимаете, что все то, что вы мне назвали, — глупости. У вас есть самый главный допуск — вы знаете наш совет-

ский образ жизни. А что касается автомата, то что это такое по сравнению с пером писателя». В какой-то мере я должен с ним согласиться.

— Как переживает большая часть российской интеллигенции, оказавшейся в Израиле, перемены в своей жизни?

— Мировую интеллигенцию можно назвать особой нацией. Интеллигенты, как правило, легко находят общий язык друг с другом. Если бы весь мир состоял из интеллигентов, не было бы ни войн, ни конфликтов. Я думаю, что в общем интеллигенция меняется. Это происходит не потому, что теряются корни российской интеллигенции, а потому, что первые годы на новой земле нелегкие, а истинный духовный хлеб интеллигенции — книга — стоит дорого. Но люди, спустя несколько лет, начинают заниматься делом, которым они занимались в России, возвращаются к своим кругам. Я имею в виду не просто выпускника инженерного института, а профессуру. Последние, как правило, находят себе применение в рамках университетов, научных изданий. Я не могу сказать, что то, что происходит с людьми, — это ломка. Знаю многих людей из нашей волны, которые какими были, такими и остались, за исключением того, конечно, что они привыкают понемногу к тем нормам жизни и быта, которые необходимы в нашей стране. Но, конечно, они навсегда остаются русской еврейской интеллигенцией.

— Русская интеллигенция влияет на савров — коренных жителей?

— Я бы сказал, что связи Израиля и России более прочны, чем кажется на первый взгляд. Выходцы из России строили не только Израиль, но и израильскую культуру. Вы улавливаете русские мелодии в наших песнях. Вы видите какие-то русские профили в еврейской литературной классике. Так что влияние русской культуры в Израиле очень серьезно, значит, и русско-еврейская интеллигенция там стоит очень прочно.

— Давид, на какой литературе воспитывается молодежь Израиля?

— Молодежь в массе своей, как и во многих странах, воспитывается на поп-арте. Я знаю молодых людей, которые вне влияния поп-арта и телевидения занимаются самообразованием. В университетах они могут изучать социологию и философию, естественные науки и языки одновременно. Правда, бывает, они не вполне уверены, что их знания могут быть использованы для карьеры и зарабатывания денег.

— А что собой представляют современные израильские книги?

— Раньше книги для взрослых выглядели ужасно, культуру изданий было не сравнить с российской. Когда у нас вышли первые книги «pocket book», все были в ужасе: где обложка, где сшитые страницы... Но сегодня уже без «pocket book» трудно представить литературу нашей страны. Единственные книжки, которые оформлены художниками по-настоящему, это детские. Израильская детская литература по качеству оформления стоит очень высоко в мире, а что касается содержания, то оно как у всех.

— В ушедшем году наши страны пережили очень сложные политические события. В Израиле — «отголоски» войны в Персидском заливе, в России — августовский путч. Давид, что вы думаете об этих событиях?

книги?

— Насчет стремления к службе в армии вы правы, но вот насчет чувств — не совсем. Национальные чувства в нашей молодежи воспитывает не государство. Израильских детей воспитывают, если так можно сказать, наши соседи. Нас 4 миллиона, и мы прекрасно знаем, что если вдруг произойдут какие-нибудь военные неприятности, то солдат пойдет защищать не абстрактную родину, а свою семью. И это в сознании каждого.

— Давид, я знаю, что у многих жителей Израиля очень отрицательное отношение к алии — притоку эмигрантов из России. А как вы, человек, проживший на той земле уже почти 20 лет, относитесь к алии?

— Всякая алия есть великое благо для Израиля. По той причине, что советские евреи, как и народ здесь, — часть смешанного этноса. Я уверен, что эти новые люди работают в Израиле не как граждане Средиземноморья, где люди любят кайфовать и ничем не заниматься. Рядом с нашим средним производителем человек из Союза готов работать активнее.

— Три года назад вы впервые, спустя много лет, приехали в СССР. Какие чувства это вызвало?

— Когда я провел месяц в Грузии, на Украине, в России, я пытался понять: кто я такой — иностранец или нет. Накануне отъезда я решил купить набор русских матрешек, но тут же удивился, как я мог допустить такую мысль, что я, американец какой-нибудь или немец. И, однако, все же купил матрешек. Когда упаковывал их в чемодан, понял, что в этой стране стал иностранцем, что отторжение все-таки произошло. В России я теперь человек чужой. Я знаю людей, которые очень тоскуют и хотят приехать сюда на время или даже навсегда — стать вновь частью этой земли. Если говорить обо мне, то я не испытываю этой тоски. Если бы я был русским человеком, живущим в эмиграции, я бы сюда вернулся именно по той причине, что здесь сейчас во многом решаются судьбы мира. Но я еврей.

— На вопрос: «Что такое Родина?» — всегда трудно от-

ветить так, чтобы тебя поняли. И все же, Давид, что для вас Родина, и как это понятие изменялось в вашем сознании?

— Для меня понятие Родины — сложная проблема. Чувствую ли, что моя Родина Израиль? Да, чувствую. Чувствовал ли раньше? Абстрактно — да, несмотря на то, что я знал об еврействе равно столько, сколько о церемониях китайского императорского двора. Я хотел быть евреем, и это все, что у меня было.

— Давид, я слышала, что как раз на тему Родины вы сейчас создаете фильм?

— Да, сейчас я еду в Москву, чтобы закончить свою часовую картину, которая представляет собой интервью с совершенно разными репатриантами, а также с людьми, живущими здесь. При сопоставлении ответов возникает некая картина жизни еврейства здесь и там. В России они евреи или жида, в Израиле они русские, некоторые даже иногда обижаются, хотя такие обиды в стране эмигрантов вряд ли возможны.

— Как поэт и писатель вы испытываете удовлетворение от своего творчества?

— Я могу испытывать удовлетворение вот от какой истории. Очень давно, когда мне было лет двадцать, написал стихи во время путешествия по Карпатам вместе с Шимоном, моим старшим братом. На Волыни, где родился мой отец, мы нашли заброшенное еврейское кладбище. Я удивился, что все кладбищенские доски стоят, как солдаты. Наклонившиеся в одном направлении. Брат объяснил, что на могилах евреев плиты ставят по направлению к Иерусалиму. И тогда я написал стихи:

Караваны идут на восток, Караваны еврейских кладбищ, По России, по снежным степям, Караваны идут на восток...

И вот полтора года назад в делегации, прибывшей в Москву, был очень известный наш писатель Ханох Бартух. Со своим знакомым он пришел на Востряковское кладбище высипать на могилу деда горсть израильской земли. Знакомый Ханоха начал читать какие-то стихи. Ханох порусски не понимает ни слова, он попросил перевести эти стихи и запомнил несколько фраз. В Израиле на ужине с друзьями Ханох прочел эти стихи. Я ему говорю: «Это же мои стихи». А он мне: «Не может быть».

Вера КРИЧЕВСКАЯ

● Давид Маркиш, когда он еще был гражданином СССР.